

По ночам под грустной лампадой Луны она записывает в свою вечную книгу всё важное, что произошло за день. У неё удобное место для наблюдения – самый центр Ульяновска на правом берегу Волги. Тихий Карамзинский скверик с вязами, липами и берёзами. Когда устало прогремит последний трамвай, она открывает бронзовые скрижали и невидимым грифелем пишет бесконечную историю города. Она – муза истории, дочь Зевса, прекрасная Клио.

Она безмолвно стоит на гранитном постаменте и смотрит на шумные улицы. Она знает их историю и помнит всё, что здесь произошло 23 августа 1845 года. В тот день Клио очнулась от первых ударов колокола на Троицком кафедральном соборе и услышала пожелание многая лета Императору российскому Николаю I и вечной памяти Историографу Николаю Михайловичу Карамзину, великому писателю. Она увидела в парадных одеждах губернатора Симбирска, дворянство, воспитанников гимназии и духовной семинарии. Она услышала слова поэта: «Так Русский юноша, теперь идущий мимо, взглянув на этот лик, сияющий в меди, любовь к отечеству, сей огонь неугасимый, восчувствует в груди...». Она поняла, что хоть и венчает пьедестал, но не в её честь этот праздник. Клио услышала похвальное слово Карамзину: «Пусть памятник, здесь поставленный, одушевляет ваших детей и все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть он останется навсегда идеалом Русского писателя, Русского гражданина, Русского человека...».

С тех пор она живёт жизнью города. Её интересуют не только большие события, но и судьбы маленьких людей. Сегодня у Клио праздник. Пришла её старая знакомая и положила за кованую ограду душистые ландыши. Каждый год она приходит сюда с букетиком нежных цветов. И с каждым годом время неумолимой кистью старит её лицо, удаляя сочные мазки на румянце щёк, на нежных уголках губ. Но вот глаза! Их, как и музу, время не старило. Время не властвовало над Клио – темнела лишь бронза. Сама же она оставалась молодой и царственной, как создал её сам Гальберг – академик, великий скульптор.

Взгляд этой женщины всегда поражал Клио. Его внутренний огонь, казалось, был вечным. Встретив такой взгляд, Клио мучительно пыталась понять, откуда исходит это непостижимое пламя силы и любви. Но единственное, до чего муза могла добраться в своих раздумьях, так это до той догадки, что в ней самой нет того, что есть в человеке. И она вновь и вновь писала историю людей, чтобы в конце концов узнать истину...

Гостья присела на лавочку в скверике и задумалась. И муза задумалась – она вспомнила первую встречу с этой женщиной. Её младенцем принесла на руках мать. Это было в 1943 году. Мать плака-

ла и говорила: «Вот, Лизонька, и остались мы вдвоём. Не увидишь ты своего отца никогда. Окаянная война забрала его у нас. Нет Бога, нет!.. В кого теперь верить? Может быть, в эту дивную статую. Вырасти такой же красивой. Буду молиться ей о твоём счастье...»

Эта речь тогда сильно растрогала Клио. Плакать она не могла. Но записала в эту ночь всё до слова и даже оставила грифонажи на полях. Не часто она делала такие быстрые наброски своим грифелем. Когда коммунисты взрывали кафедральный собор в 30-е годы, она нарисовала падающий купол и крест. И плачущих монашек рисовала, когда разрушали Спасский женский монастырь. Он стоял напротив Карамзинского сквера и украшал город солнцезвонкими куполами. И изящную Никольскую церковь. И потом, в 60-х, сделала наброски снесённого в пожарном порядке красивого здания бывшего губернаторского дворца. Всё это записано в её скрижалях!..

Муза по лицу женщины догадалась: сегодня что-то должно произойти. Та взволнованно поглядывала по сторонам, очевидно, ожидая назначенной встречи. Клио предугадала свидание и первой заметила гостя. Из-за молодой листвы липы она рассмотрела его глаза. «Не может быть!» – удивилась муза. Она не видела этого человека много лет. Как он постарел и обрюзг!.. Хотя внешний лоск и дорогой костюм указывали на привычки важной персоны. Он подъехал на дорогой машине с московскими номерами. Водитель с необходимой долей подобострастия открыл перед ним дверь. Клио молниеносно перелистала историю и раскрыла забытую страничку...

– Пойми, Лиза, мне предложили новую работу. Я уезжаю в Сибирь строить новые города и дороги, я стану руководить большой стройкой, – читала Клио свои записи.

– Ты меня бросаешь!? – девушка нервно отрывала белые цветки ландыша от стебля, сминала их, кидала под ноги, будто пыталась забросать невидимую пропасть, образующуюся между ними волей злого повелителя.

– Нет, Лиза! Сейчас семья станет помехой для моей карьеры. Я устроюсь на новом месте и тебе напишу. Ты не понимаешь, что такое Сибирь!

– Но у меня будет ребёнок!

– Пока он не нужен ни тебе, ни мне... И слёзы ни к чему. Ну, всё-всё! Давай без лишних сантиментов. Через год, если не напишу, встретимся здесь в это время. Прощай!

– Но я же тебя люблю-ю-у... – эхо времени стёрло слёзы прощания...

Клио разглядывала свои старые наброски на полях: рыдающая девушка с букетом ландышей и стремительно удаляющийся молодой человек. Он шёл, одержимый романтикой новой жизни...

«А ведь я точно нарисовала их последнюю встречу», – похвалила себя муза и только сейчас опомнилась: гость уже подошёл к красивой женщине и с крайним любопытством разглядывал знакомые черты её лица.

– Здравствуй, Лиза! – импозантный мужчина преподнёс женщине роскошный букет роз.

– Здравствуй, – ответила она глухо, не поднимаясь с лавки, взглядывая на него своими ясными глазами.

– Странно, ты совсем не изменилась. Ты так же смотрела на меня перед нашим расставанием. Да, а я вот, видишь, постарел. Отяжелел. Разреши всё же присесть рядом. Хотя, поехали в хороший ресторан!

– Скажи, зачем ты приехал? – прервала его женщина, держа в руках цветы, словно вязанку хвороста, готовясь бросить её в костер.

– Как же, мы столько времени не виделись, – он начал привычным тоном, но осёкся под её взглядом. Смущение, которое он прятал, вышло наружу. Он сжал губы, взглянул на Клио и тяжело вздохнул:

– Эта статуя всегда молчит. На её лице нельзя прочесть никаких чувств, кроме милосердия! В этом вы схожи. В молодости ты была прекрасна, как эта богиня. Да и сейчас... Расскажи, как ты живёшь?

– Ты не ответил, – женщина с удивлением рассматривала колючки на толстых стеблях роз. И почему у таких красивых цветов такие острые шипы? Не для того же, чтобы ранить? Скорее для защиты своей первозданной нежности.

– Мне стыдно и больно говорить. Седые волосы, а краснею, как мальчишка... Я хотел тебя увидеть! Посмотреть в твои лучезарные глаза. Услышать твой голос. Я виноват перед тобой! Когда мы расстались, моя жизнь помчалась, как курьерский поезд. Я гнал его всё дальше и дальше. И не

мог остановиться. Жажда карьеры, власти, денег привязала меня словно наркотик. Я давно живу в Москве. У меня солидная финансовая компания. Первую жену бросил в Сибири. Вторую лет пять тому назад. Сейчас у меня длинноногая молодая красавица. В Европе на атлантическом побережье вилла. Всё есть. Всё, кроме любви!.. Все любят лишь мои деньги, а мне хочется тишины и покоя. Я, Лиза, сорвал стоп-кран и выпрыгнул на ходу. Знаешь, как приятно бродить по улицам, где прошла молодость. Дышать этим родным воздухом. Хорошо!.. Лиза, я приехал за тобой. Хочу устроить тебе достойную жизнь. Лиза, когда мы были молодыми, свято верили, что построим коммунизм. Не наша вина, что разрушили прежнюю страну. Но теперь ты будешь жить при коммунизме. У тебя будет всё! Поедем в любую страну мира. Хочешь – в Италию, хочешь – по Парижу погуляем, в Лувр заглянем, посмотрим своих любимых мадонн с младенцами. А захочешь – полетим через океан в Америку. Нет проблем, Лиза. Теперь я всё могу!

– Ты лжёшь! Ты ничего не можешь. Ты не в силах вернуть чувства, – в её глазах на мгновение промелькнула неутолимая скорбь. – Ты не дёргал стоп-кран. Ты просто сделал остановку. Тебя гнетёт твой последний вагон. И ты хочешь его отцепить. Но это невозможно! Ты безудержно мчишься всю жизнь на красный!..

– Сейчас, Лиза, я уже никуда не помчусь! Скоро последняя остановка. Неделию назад врачи вынесли приговор! Никакие хирурги мне уже не помогут. Ты права. Я ничего не могу. Мне осталось несколько месяцев... Помнишь, как мы пели: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!..» Теперь мы и с комсомолом расстались, и с молодостью. И поэтому я решил повидаться с тобой. Вспомнить о нашей любви!

– Я о ней никогда не забывала.

– Правда?! Лиза! Значит, ты меня простила?

– О любви не забывала ни на минуту. А ты давно умер в моём сердце. Тот, кого я любила, всегда со мной. На того, любимого, так был похож его сын.

– Сын?! Лиза, почему был похож?.. Ты родила сына? Где он сейчас? Я хочу с ним встретиться! Умоляю! Это последнее желание в этой жизни, – мужчина упал на колени перед женщиной и принялся целовать её руки. Она ждала, потом сказала:

– Я к нему завтра поеду. Хотела сегодня, но ты назначил встречу. Поеду завтра. Соберу букетик. Он любит ландыши. Его могилку легко найти... Там растёт куст белой сирени! Хотели положить его на центральной аллее, как героя! Но я решила рядом с моей мамой. Она мечтала о внуках. Там они встретились. Он погиб в Афганистане... Да, я не плачу, потому что счастлива. У меня внучка. Мы очень любим друг друга! Как-то она написала в школьном сочинении: «Я люблю свой город, потому что в его центре красивый скверик, где мы с моей бабушкой любим гулять. А мой папа – герой!» – женщина взглянула на Клио. – Меня любят мои ученики! Меня любит мой город! Меня любят эти деревья! Это небо! Потому что я их люблю бесконечно... Я счастлива, что сохранила свою душу. Тебе этого не понять. Слишком поздно! В отличие от тебя я не боюсь смерти.

– Не боишься? – машинально переспросил он, ошеломлённо разглядывая её опустошёнными глазами, отстраняясь от неё, вставая с колен.

– Ты приехал за покаянием? Но ответственность тебе надо не передо мной! – она взглянула на величественную скульптуру Клио.

Он последовал своим взглядом за ней. Муза истории стояла в спокойной естественной позе с грустным лицом. На её грациозной фигуре изящно накинутые древнегреческий хитон и плащ подчёркивали красоту её тела, обрисовывали её совершенные формы. Удивительно гармоничный образ бронзовой музы поразил мужчину.

– Перед кем? – он, будто придавленный бронзовой скульптурой, смотрел на женщину испуганно и нетерпеливо.

– Перед той, что смотрела тебе вслед с этой лавки много лет назад!

– Ты права, Лиза. Ты права, – он выдохнул и распрямылся. – Я перед поездкой к тебе зашёл в храм Христа Спасителя. Поднял голову и посмотрел на свод купола, и меня пронзил взгляд Его... Ты не была там?.. На своде среди облаков и голубого неба написан Создатель. Я понял, что надо ехать к тебе... Ты меня всё же простила или нет? Я так и не понял. Ты всегда была для меня недоступной. Всё же я предлагаю тебе поехать со мной в Москву.

– Тебе была недоступна моя душа, потому что твоя была одержима другой страстью. Взгляни

на памятник. Ты знаешь, что запечатлено на этом горельефе? Нет, ты не можешь знать! Карамзин изображён на смертном одре в окружении близких людей. А перед ним Фортуна – богиня счастья и удачи – сыплет из рога изобилия золотые монеты. Писатель жестом останавливает Фортуну, как бы говоря ей, что её чудесные дары запоздали... Перед смертью Карамзину император пожаловал большие деньги. На что он промолвил: «Это уже слишком много... Благодеяние чрезмерно: никогда скромные мои желания так далеко не простирались».

В наступившей паузе Клио вдруг услышала дивные голоса птиц. Они и не переставали возглашать миру свою любовь. Клио подумала, что до этого она их не слышала. Да-да! Весь мир вокруг поёт. Интересно, а как звучит молчание музыки? Надо об этом поразмыслить в какую-нибудь безлунную ночь.

– Я не люблю колючих роз. Мне нравится скромная нежность ландышей. Они созвучны моей душе. Прощайте, – женщина с сияющими глазами медленно поднялась и вышла из скверика, направилась вниз к шумной улице Гончарова, по которой двигались в вечно гудящем потоке автомобили и люди – угрюмые и весёлые – в непроглядь спешащего тысячелетия...

Ночью при тихом свете Луны Клио раскрыла на жертвеннике бессмертия бронзовые скрижали и принялась скрупулёзно записывать историю канувшего в Лету дня. Луна в свою очередь старательно рассматривала в гранитной нише бюст Историографа государства Российского Николая Михайловича Карамзина. Открытый, смелый взгляд пламенного патриота России устремился вдаль, в глубь веков. Карамзин слегка сдвинул брови, его морщины на высоком лбу явствовали о гигантской работе души, чувств и мысли. Этот взгляд отягощён озабоченностью судьбами Родины. Этот взгляд мудрый, призывающий грядущие поколения: «Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем...».

Клио взглянула на грустный лик ночного светила и в своей вечной книге написала: «Сегодня я поняла, чего нет в моем бронзовом совершенстве. Во мне нет человеческой души...».

